

Ивета Народовска
Латвийский университет, Рига

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТЫШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рецепция творчества Николая Васильевича Гоголя в латышской литературе явление относительно редкое. Тем более необычно его обнаружить в современной литературе.

В сборнике рассказов латышского писателя Яниса Эйнфелдса *Продавец порнографических открыток* (2001) находим необычное переосмысление образа «маленького человека» в его классическом понимании.

В классическом XIX веке «маленький человек» оставался категорией социальной. Общественное положение и даже юридический статус «маленького человека» были ниже статуса обычного подписчика «Отечественных записок» или «Библиотеки для чтения». «Маленький человек» получал скромное жалование, снимал убогую квартирку, хуже одевался и не мог похвастать университетским образованием (Беляков 2009).

В рассказе *Единственная Мартиньша Крейцберга* наблюдаем достаточно дерзкую интерпретацию классического образа «маленького человека» — гоголевского Акакия Акакиевича. Подзаголовок сборника рассказов — *Эротические новеллы и озорные истории*. Героями этих историй становятся бедный студент, бесшабашные пациенты психиатрической больницы, сорокалетний подмастерье столярной фирмы, продавец порнографических картинок, т.е. «маленький человек» Эйнфелдса также наделён социальной характеристикой, с той лишь разницей, что он помещается автором-постмодернистом в эротический контекст.

По описанию Мартиньша Крейцберга не трудно догадаться, что он ассоциируется в сознании автора рассказа с Акакием Акакиевичем Гоголя:

Мартиньш был винтиком [большого предприятия — И.Н.], но он умел красиво писать, и это его возвышало в глазах начальства. Мартиньш в качестве

писаря сидел в канторе большого клуба и записывал, и регистрировал, сколько гуслей пришло, сколько метров клетчатых занавесок для актового зала, сколько сверкающих венков, какой комплект барабана теперь будет в ансамбле самодеятельности завода. Мартиньш в заводской клуб приходил ровно в восемь, согнувшись над конторскими книгами просиживал до обеда; быстро пообедав, он опять сгорбился и писал до шести вечера, когда кончалась работа, он выпрямлялся и, посвистывая, уходил, уходил, чтобы наслаждаться жизнью (Einfelds 2001, с. 57).

Как известно, Акакий Акакиевич никакому развлечению не поддавался. Единственным наслаждением его было переписывание бумаг, принесённых на дом. Однако Мартиньша Крейцберга можно отнести к тому сорту мелких чиновников, которые спешат «предать наслаждению оставшееся время, [...] истратив его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга» (Гоголь 1974, с. 115). Хотя у Мартиньша зарплата была небольшая, он весь вечер проводил в театре поп-культуры *Эротик и Сексик*, где смотрел стриптиз, в котором принимали участие его бывшие одноклассницы. Вполне понятно, что это опустошало его кошелёк, поэтому «его ужином была краюха хлеба и стакан воды» (Einfelds 2001, с. 58). Предводительницей группы стриптизерш была Анита, от которой «нельзя сказать, чтобы очень замечательный» (Гоголь 1974, с. 115) Мартиньш (что его роднит с Акакием Акакиевичем) был без ума: «Ну что я могу поделать, если у меня кривой нос и отвислые уши? Что у меня нет стальной груди и роста баскетболиста?» (Einfelds 2001, с. 57).

Если бы Мартиньш был побогаче да поувереннее, он бы всех своих одноклассниц отвёл в ресторан, в отдельный кабинет, и кутил бы там до утра. Но Мартиньш поступил иначе, он расставил на своем подоконнике горшки, в которые воткнул семена. Все горшочки расцвели (цветы он решил подарить одноклассницам), однако цветок, предназначенный для Аниты, всё не расцветал, и Мартиньш опечалился.

Анита, неожиданно для всех, кончает жизнь самоубийством, так как не желает отдаться вьетнамскому другу режиссера — постановщика стриптиза. На похоронах все плакали, только Мартиньш был спокойным, так как верил, что Анита в гробу не останется.

Для Акакия Акакиевича мысль о новой шинели стала его идеей фикс:

С этих пор как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу (Гоголь 1974, с.127).

Подобной идеей фикс для Мартиныша стала вечная мысль об Аните, о том, что она когда-нибудь вернётся к нему. Велика была его радость, когда он, однажды, возвращаясь домой с работы, на своем окне увидел расцветший цветок Аниты. Он называл цветок именем своей возлюбленной, своей невестой, целовал его и обнимал, выходил с ним на прогулку, танцевал на дискотеке, сидел рядом в кинотеатре и смотрел романтический фильм *Голубые мечты*, даже умудрялся с цветком заниматься любовью:

На высвеченных неонам улицах, где прогуливались богатые чиновники, выходил и Мартиныш. Легкая хмель бродила в голове, и тем большим наслаждением было держать горшок с цветком. Мартиныш не хотел дожидаться позднего вечера, когда на этой пёстрой улице появлялась особая клиентура.

Лучше было дома, где цветок стоял на подоконнике, как балерина на одной ноге, и её восторженный поклонник ошупью устремлялся к лобви, которая позже взорвалась, рассыпая миллионы горящих атомов (Einfelds 2001, с. 63–64).

Но однажды, возвратившись домой, Мартиныш обнаружил, что цветок завял. Мартиныш недолго горевал — «минуты две» (Einfelds 2001, с. 64), так как знал, что Анита вернётся в другом облиции, заберет его с собой и отведёт туда, где лучше.

Обращение к образу «маленького человека» в классической русской литературы не случайно, так как в латышской литературе образа подобного Акакию Акакиевичу не найти. Хотя Латвия в XIX веке является одной из провинциальных губерний России, здесь сословная структура не имела столь выраженного характера.

«Маленький человек» в интерпретации Эйнфелдса предстает человеком убогим, уродливым, далеко не умным и по-детски наивным. Прозу современного латышского писателя Эйнфелдса по своей типологии можно отнести к русской артистической прозе «новой волны» (Липовецкий 1997). Столь близкая типология текстов Яниса Эйнфелдса, Татьяны Толстой, Вячеслава Пьецуха, Марка Харитоновна, Владимира Сорокина (представителей русской артистической прозы) определяется единством историко-литературного процесса, обусловленного единством социально-исторического развития — Латвия на протяжении полвека (1940–1991) была одной из республик СССР, т.е. Россия и Латвия на протяжении долгого времени находились в едином географическом, политическом, экономическом, социальном и культурном пространстве, а писатель Эйнфелдс, родившийся в 1967 году, является продуктом «советской культуры».

Для артистической прозы характерен несерьезный, игровой взгляд на мир (Шром 2005, с. 108). Как правило, герой Эйнфелдса это не

вполне зрелый человек, если не по возрасту, то по уровню своего развития и мировосприятия. Ему «не хватает цинизма зрелости», и он ещё находится «под влиянием неразвитой романтики» (Einfelds 2001, с. 114). «Маленький человек» Эйнфелдса не красив собой. Он отталкивает своим внешним видом окружающих, как часто бывает с ещё не сформировавшимися подростками¹. Он неудачник, отброс жизни и общества:

Майра мир не переменит, но и не оставит неизменным, потому что уж очень нестабильным был мир в ней, он перемешался с хаосом, гармонии здесь нет места, поэтому её стихи были столь хороши, хотя их никто так и не расслышал, так как она была другая, такая, которой нет места не в высшей школе, не в окружающей творческой среде. Она — начинающая, «гадкий соловей», ей пренебрегают модели, потому, что у неё сильные очки и худые, кривые ноги. А петь, как соловей, на бумаге она умеет (*Коломба наших дней* — Einfelds 2001, с. 87).

Второй рассказчик оказался ещё моложе. Его лицо по виду немного напоминало сплюсненную голову лошади с глазами кабана, грязными, длинными волосами, сплетенными в небрежную косичку. Он был заядлым курильщиком, хотя общество на курильщика такого возраста смотрит с осуждением: не то что сигарету из зубов вырывало бы или давало бы по уху, но с удовольствием делало замечания. Но здесь на это никто не смотрел. Иногда только барышня Ольга [прозвище пациента психбольницы Ольгерта — прим. И.Н.] делал замечание Лоле, так звали молодого человека, который в лечебное заведение попал потому, что в школе им не могли совладеть. Когда он успокоился, пересказывал такие странные чередования порядкового плана, которые уверяли в том, что в нем не хватает цинизма взрослости и он всё ещё находится под влиянием неразвитой романтики (*Трое невинных* — Einfelds 2001, с. 114).

Эйнфелдс в соответствии с социальным положением своего героя рисует среду бедную, убогую, неприглядную:

Майра только что выпила молока, но это её голода не уменьшало, не хватало денег и сколько-то хорошего настроения. Более того, она жила в злом трансе, который делал лицо девушки некрасивым и бледным, как известно, с синяками под глазами от постоянного не высыпания (Einfelds 2001, с. 82);

Они находились в туалете и курили, хотя курить там было строго запрещено. Недавно санитарка вымыла пол старой тряпкой, вонь была ужасная,

¹ Отталкивающая, неприглядна внешность свойственна и классическому герою Гоголя — Акакию Акакиевичу: «Итак, в одном департаменте служил один чиновник; чиновник нельзя сказать чтобы замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица что называется геморроидальным...» (Гоголь 1974, с. 115).

можно добавить, что мухи от такой вони дохли, если выражаться в метафорах (Einfelds 2001, с. 107).

Часто эта среда преступная и развратная:

Майра похвалам не верит, потому что они звучат притворно, этот мужчина не вызывает восторженности, его тело покрыто седыми волосами, на языке — вишенка, а в поцелуе — горькая полынь. Лесть и старик, которого она не любит. Его пенис, покрытый пигментными пятнами, прозрачная жижа на головке пениса, Майра — в мягкой постели, но наполненная спермой нежеланного. Теперь она поэтесса, это она понимает. Её стихи будут печататься. Ей будут платить гонорары. Про университет можно забыть. Только в Майре проснулся дух сопротивления, она изнасилована, она больше не будет писать стихи, она повесится, ей нет обратной дороги к родителям, чего стоит такая сучка, производящая на свет помесь, живое несчастье, однако живое (Einfelds 2001, с. 88).

Парадоксально, но герой Эйнфелдса — отброс жизни и общества, как правило не падает духом, он по-детски наивно верит в светлое будущее и лучшую жизнь. Ни один из рассказов Эйнфелдса не заканчивается безнадежностью. Его «маленький человек» безнадежно и тупо оптимистичен. Его психологическое и душевное состояние можно определить строками из рассказа *Трое невинных*: «[...] их реальная жизнь была также бессмысленна, как и их фантазии, так что настоящее от неправды отделить будет трудно, да и не нужно» (Einfelds 2001, с. 107). Бывший студент Айвар (рассказ *Грязные деньги*) за деньги раздевается, оголяя свой зад, на котором выросла необыкновенной формы родинка, хотя при этом сдерживает слёзы и испытывает беспредельное одиночество:

Когда наступил вечер, старые гримзы ушли. Айвар держал в руке конверт с гонораром. Он долго думал: «Ему место в мусорном ящике! Эта великая власть, что в себе прячут бумажки, без добродетели лишь мусор! Вон их!» Конверт залетел в мусорный контейнер, упал на голову коту, копавшемуся там, и тот убежал. С тех пор мир стал на несколько сотен беднее (Einfelds 2001, с. 53).

Студентка университета Майра (рассказ *Коломбина наших дней*), мечтающая стать поэтессой, после ночи, проведенной с писателем — лицом советской номенклатуры, который старше ее на тридцать лет, опускается до жизни проститутки и попадает в венерологический диспансер. Ниже пасть некуда, но она не просто надеется, а знает, что это лишь делает ее сильнее:

И тогда, в один прекрасный день, её в беспамятстве увезли в учреждение, находящееся за решетками. Оно находилось на улице, названной именем знаменитого французского писателя², во всяком случае так учит нас история литературы. Двери были заперты. Она знала, что она проститутка, об этом ей напоминали все — милиционер, врачи, медсёстры и соседки по палате. И Майра в ужасном наплыве чувств, с сигаретой в зубах, со слезами на глазах, забежала в туалет, задергала решетку и попрощалась со своей юностью: «Прощайте, мои девичьи грёзы!» Пришла медсестра со шприцом, Майра скандалов больше не устраивала, но знала, что она не сломлена и впредь будет сильнее (Einfelds 2001, с. 88).

Подобную патологическую уверенность в лучшем завтрашнем дне испытывает и Мартиньш Крейцберг, похоронивший увядший цветок своей возлюбленной Аниты:

Мартиньш закопал горшочек с цветочком, напел что-то духовное, а потом его радости не было предела. Это правда, Анитиня ушла, но этот похороненный цветок, это лишь её внешняя оболочка. Она вернется, и я её буду ждать, ждать, хоть всю жизнь. Она приобретет новое тело, придет, заберет меня с собой и ответит туда, где лучше (Einfelds 2001, с. 65).

Помещая своего героя в эротический контекст, Эйнфелдс делает его еще более беззащитным, более уязвимым. Скинув с себя «замусоленную рубашку и пропотевшие джинсы» (Einfelds 2001, с. 50), «маленький человек» лишается своей внешней оболочки и предстает перед читателем в голом виде. Таким образом, автор сборника рассказов делает своего героя более приземленным, и он в буквальном смысле становится «человеком маленьким», что усиливается внедрением в сборник рассказов «возрастного ценза». Герой Эйнфелдса — человек не зрелый, даже если ему уже за сорок. Показательно, что самым распространенным клиентом продавца порнографических картинок становится ребёнок — человек маленький в смысле буквальном:

Прежде всего детям нравились их любимые герои, старые знакомые — Дональд, волчок и хомячки с огромным хвостом спереди, превратившимся в топор. Детская радость была еще больше, если инородное тело казалось больше своего хозяина, а свинки и мышки улыбались так, как некто ещё не улыбался. Иногда у них были две головы, которые поднимались сверху вниз, и это можно было воспринимать однозначно, потому что главное было игра (Einfelds 2001, с. 11).

Янис Эйнфелдс в сборнике *Эротических новелл и озорных историй* создает гротеск, пародию в духе постмодерна, поэтому читатель не

² Венерологический диспансер в Риге находится на улице Анри Барбюса.

испытывает к его герою сочувствия или сострадания. Отсутствие в эстетике постмодернизма субъекта исключает возможность интерпретации темы «маленького человека» в ключе гуманистическом.

Литература

- С. Беляков: *Призрак титулярного советника*. «Новый мир» 2009, № 1 <http://magazines.russ.ru/novyj_mi/2009/1/be14.html>.
- Н. Гоголь: *Петербургские повести*. Ленинград: Лениздат 1974.
- J. Einfelds: *Pornogrāfisko bildīšu tirgotājs. Erotiskās noveles un draiskie stāsti*. Rīga: Pētergailis 2001.
- М. Липовецкий: *Русский постмодернизм (очерки исторической поэтики). Монография*. Екатеринбург: Урал. Гос. Пед. Ун-т. 1997.
- Н. Шром: *Литература современной России. 1987–2003. Учебное пособие*. Москва: Абразив; Рига: Retorika A 2005.

Iveta Narodovska

RECEPTION OF THE GOGOL'S WORKS IN THE MODERN LATVIAN LITERATURE

Summary

The article is devoted to the reception of Gogol's works in the modern Latvian literature. The author of the article examines the collection of short stories *The Seller of Pornographic Cards* by the contemporary Latvian writer J. Einfelds. The collection offers a daring interpretation of the classical image of 'small man'. The protagonist of the short story *Mārtiņa Kreicberga vienīgā* is associated in the consciousness of the writer with Akaky Akakievich Bashmachkin. The 'small man' of Einfelds has social characteristics, but is placed by the author-postmodernist into the erotic context. The author of the collection *Erotic Novelettes and Naughty Stories* creates the grotesque or parody in the post-modern manner, which excludes the possibility of interpretation of the 'small man' theme from the humanistic point of view.

Iweta Narodowska

RECEPCJA TWÓRCZOŚCI NIKOŁAJA GOGOŁA WE WSPÓŁCZESNEJ LITERATURZE ŁÓTEWSKIEJ

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest recepcji twórczości Nikołaja Gogoła we współczesnej literaturze łotewskiej. Przedmiotem analizy jest zbiór opowiadań współczesnego pisarza łotewskiego Janisa Einfeldsa *Sprzedawca pornograficznych kartek pocztowych*, w którym mamy do czynienia z dość radykalną reinterpretacją klasycznego obrazu „małego człowieka”. Bo-

hater opowiadania *Mārtiņa Kreičberga vienīgā* kojarzony jest przez autora z Akakiuszem Kamaszkinem. „Mały człowiek” Einfeldsa posiada wyraźną charakterystykę społeczną, jednak postmodernistyczny autor sytuuje go w kontekście erotycznym. Autor zbioru noszącego podtytuł *Erotyczne nowele i zbereżne historie* stworzył utwory groteskowe, napisał parodię w duchu postmodernizmu, co wyklucza możliwość interpretacji podjętego przez niego tematu „małego człowieka” w humanistycznym kluczu.